

Вырезка из газеты

ПРАВДА

от 28 декабря
1974 г.

г. Москва

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ТЕБЕ

Мы вошли в квартиру на цыпочках. Первым ее хозяин—Владимир Михайлов, прижимая к груди батон хлеба и пакеты с продуктами, затем Борис Левинсон с картонной коробкой в руках, я притворил дверь, стараясь не звякнуть запором. Хозяин предупредил: Соня спит!

Но за дверью спальной вдруг раздался тоненький Сонин голос. Нас обнаружили!

Соня стояла, крепко уцепившись за барьер кровати. Нас, незнакомец, она удостоила лишь коротким взглядом, Володе улыбнулась — отец! Левинсон снял с коробки крышку, извлек большую глазастую куклу и протянул Соне. Кукла оказалась ростом чуть ниже девочки.

— Здравствуй, Соня! — тихо сказал вдруг сразу же по-серьезневший Левинсон и поднял глаза на стену. Над кроватью ребенка висел большой портрет красивой темноволосой женщины.

Куклу поставили рядом с кроватью в компанию других кукол — почти каждый, кто приходит в этот дом, непременно приносит куклу. А Соня куклы не интересуется. Она еще маленькая — всего год. Зато девочка всегда рада людям, которые приходят в дом. Взглянула на Левинсона и ему улыбнулась тоже.

— Приглашаем тебя в твой театр, Соня! — сказал ей Левинсон.

— Я ничего не знаю... — пробормотала сестра, поспешно отводя глаза, — с вами сейчас поговорит доктор.

Михайлов почувствовал, что у него сдавило грудь и пошло в коленях. Белый халат врача слепил, будто снег под солнцем. Врач что-то говорил, и губы его тоже казались белыми, как ледышки.

— ...А девочка жива-здоровая. Крепенькая девочка...

Обхватив голову руками, Владимир опустил глаза на лавку. Мир рухнул.

Прошло несколько дней, — и в той же комнате на его ладони осторожно положили маленький мягкий кулек, он откинул уголок простынки и вздрогнул от неожиданности — смотрели на Михайлова глаза его жены.

Вышел за порог больницы. Был ясный и холодный день. Он крепче прижал к груди укутанное в одеяло крохотное тельце дочери. Постоял минуту у подъезда, куда еще недавно входил вместе с женой. Вот, Соня, и сбылось твое заветное: появился на свет твой ребенок! А ты...

Впервые встретились они три года назад. Два одиноких, уже не столь молодых человека. После первых часов знакомства с удивлением обнаружили, что вроде бы знают друг друга сто лет. О чем ни заговорят — все интелесно. Почти во всем совпа-

дение: байдарочники, любители природы, музыки, театра...

Когда Владимир Михайлов пришел к Соне Зайковой в театр за кулисы, его встретили настороженные взгляды. Кто таков? Серьезно ли? Соню любили, за нее переживали, опасались. Красивая, неглупая, способная... А вот в личной жизни не везет.

Закончив работу в своем конструкторском бюро, Михайлов мчался в центр города, на улицу Герцена в Сонин театр. Не пропускал ни одного из ее спектаклей. Его вскоре знали в лицо даже рабочие сцены. Случилось то, на что уже и не надеялись: пришла любовь.

Когда она впервые сыграла еврипидовскую «Медью», он с ней еще не был знаком. Простоял несколько часов в очереди за билетом и попал на премьеру. Ладони отбил, аплодировал актрисе, — очень понравилась. Хотел послать цветы, да постеснялся. Ее мир театра казался ему, скромному инженеру, недосягаемым.

Минували еще годы и настал день, когда Зайкова сказала ему: «Сегодня я сыграю «Медью» для тебя». Потом в театре говорили, что в тот раз Софья Зайкова превзошла самое себя. Поздравляли не только дебютантку, но и его, Михайлова. «Заяц, ты молодец, — восхищался Володя, — ты была настоящей Медеей, способной на все!» И подражая ей, декламировал запомнившееся: «...Веру я меч для горькой битвы жизни». Она смеялась: «Я для тебя способна на все. Даже на невозможное».

Однажды призналась ему, что ее давняя и прекрасная мечта вроде бы может осуществиться. В первое время страшилась: вдруг ошиблась? А потом глаза становились все глубже и покойнее в мурашном ожидании счастья. «Если будет сын, — сказала Соня, — мы назовем его Вовкой».

В загсе спросили, как записать имя и фамилию девочки. Он сказал: «Софья Зайкова».

Выйдя из загса на улицу с Сонинкой метрикой в кармане, он осторожно вытер подбородок дочери и поцмокал ей губами, чтобы развеселить:

— Ну что, Заяц, вот какие у нас с тобой теперь дела. И все-таки жить мы будем!

Если бы не эта девочка, он и представить не мог, как перенес бы горе. Дочь заново перевертывала жизнь. Друзья говорили: «Не тужи — поможем!». Легко сказать — поможем. Он и очередной отпуск использовал, и за свой счет брал. Не уйдешь же с работы совсем. А девочкой заниматься надо — кормить, обстирывать, ходить гулять...

Помощь требуется всерьез, каждодневно, хотя бы до тех пор, пока не найдет няньку. Нет родственников, способных взять на себя эту обузу. Друзья? Но разве потребуешь от друзей такое? Жизнь суетная, у людей каждая минута на счету. А он, Михайлов, к тому же проживает за тридевять земель — на самой окраине Москвы.

В Тушино в подъезде его дома незнакомый мальчишка придерживал дверь парадного, чтобы Михайлову удобнее было войти с ребенком на руках. Догнал на лестнице.

— Бабушка сказала, что может к вам забежать помочь, если что...

Потоптался на месте и добавил:

— А нужно в магазин за хлебом, то я, пожалуйста, — мигнул!

Дом большой, многоквартирный, вроде бы все поправились по своим сусекам, разделенные этажами и стенами, ни с кем Михайлов в доме не знаком, а вот, оказывается, прознали про его беду, озаботились...

На другой день раздался звонок в дверь. Вошла молодая женщина. Он пригляделся: кажется, видел ее за кулисами театра.

— Уф! — сказала женщина облегченно. — Наконец-то отыскался! Далеко же вы забрались!

Подождала к Сониной кровати, деловито поправила одеяло.

— Буду через день приезжать. Так мы в театре решили.

Люди... Толкаемся в троллейбусах, на эскалаторах в метро, у прилавков магазинов, тяготимся теснотой, раздражаемся, порой с легкостью резкое слово оброним. И может показаться, что в тесноте городской жизни разобщены, отдалены мы, каждый сам по себе. Но однажды вдруг узнаем, что, оказывается, не можем обойтись друг без друга. Значит, в житейской спешке не растеряли доброты, искренности, сострадания.

«Володя, моя тетка вышла на пенсию. Узнала о случившемся и очень хочет тебе пособить». Из подмосковного города Пушкино на подмогу к Михайлову торопится неведомая ему женщина, тетка одного из его приятелей. Сколько оказалось таких, как она, кто пришел на помощь в беде, — давние друзья и малознакомые соседи по дому, сослуживцы Михайлова по конструкторскому бюро и те, кто выходил с Зайковой на сцену. Кто-то ездил к кормилице за молоком, кто-то стирал пеленки, бегал за хлебом, нянчился с ребенком, когда отец был на работе, кто-то хо-

дил по райисполкомовским кабинетам, «пробивая» для вдовца с грудным ребенком более подходящее жилье.

Шли месяцы... Соня росла, привыкала к людям, к их улыбкам, голосам, добрым касаниям их рук. И к куклам, которые ей дарили.

Михайлов опустил девочку на пол. Она с любопытством взглянула на красивую ковровую дорожку, которая вела от двери служебного входа в закулисные пространства театра, не очень уверенно сделала первый шаг, потом второй, и вдруг смело, с легкой развалочкой направилась по коридору. Вдоль стен стояли те, кто знал ее мать.

— Здравствуй, Соня! Здравствуй, Соня Зайкова!

Встречу сделали в красном уголке. Первыми в одинаковых синих костюмах пришли билетеры, потом гардеробщики в сером, потом один за другим артисты, рабочие сцены, костюмеры... И все несли новогодние подарки — костюмчики, туфли, шоколад, коврик на стену... И... куклы. Последними пришли из своих гримерных те, кто участвует в сегодняшнем спектакле «Человек из Ламанчи». Расцветные гримом, броско живописные, они тут же привлекли внимание маленькой гостьи. Высокий худой человек с жиденькой бородкой и в рыцарских доспехах взял Соню на руки. Она ему улыбнулась: знала его лицо. Это был сам Дон Кихот — артист Александр Лазарев, — это он, как депутат райсовета, воевал за новое жилье для маленькой Сонни. Рядом с ним стоял свирепый Вожак уголовников, захвативших в плен героя пьесы, — Борис Левинсон. Это он был организатором сегодняшней встречи. Добродушный рыжебородый Санчо Панса — артист Виктор Павлов пытался всучить Соне еще одну куклу. Подошел суровый Солдат инквизиции, осторожно извлек из своего шлема, который держал на руке, детские реикузы и положил на стол в общую кучу подарков.

А потом Соню отец увез домой, потому что пора было начинать спектакль. На сцене Театра имени Маяковского бесстрашный рыцарь, защитник справедливости Дон Кихот Ламанский вел неравную битву со злом. Над ним смеялись, его сбивали с ног, пинали, но он подымался снова, и в затаившем дыхании зрительном зале зазвучал его горячий голос:

— Я хотел бы сделать наш мир хоть чуточку добрей и милосердней.

А в большом, недавно построенном доме на окраине Москвы, в своей новой квартире в окружении кукол спала маленькая девочка, у которой был сегодня первый в жизни праздник.

Л. ПОЧИВАЛОВ.